

РАССКАЗЫ

ОНИ СТАНОВЯТСЯ КРАСНЫМИ

Каникулы подходили к концу. Ночи стали заметно холоднее, и вода отдавала все больше накопленного тепла предосеннему воздуху. Сашка уже не купался в ранние утренние часы, как он делал это в разгар лета. Теперь он бродил по берегу в ожидании выпрыгивающих из воды афалин. Прибрежную полосу воды отделяли от уходящей к горизонту темнеющей синевы моря невесть кем и когда уложенные каменные плиты, границу которых Сашке строго было запрещено пересекать. Едва ли он мог совершить проступок более тяжкий в глазах бабушки. Даже игра в карты в укромной тени между стеной немногэтажного дома и стрекочущими всякой насекомой живностью кустами не шла в сравнение с заплывом за поросшие ракушечником плиты, поскольку в случае с азартными играми Нина Филипповна видела угрозу нравственности, которая в столь юном возрасте еще является вещью поправимой, тогда как в не огороженном плитами море ей небезосновательно мерещилась угроза детской жизни. А за это могло попасть и ремнем по ногам пониже шорт: Нина Филипповна никогда не тратила время и душевное равновесие на огорение проштрафившегося за да.

Парусников в это раннее утро еще не было, и только две тяжелые баржи застыли на таком же неподвижном, играющем бликами света стекле моря, словно это был «морской бой», в который Саша всегда играл в фойе кинотеатров перед началами сеансов. «Пыф-ф-ф», — шепотом сказал он, и красная прерывистая линия, означавшая торпеду, мысленно ушла в сторону вражеского корабля, которым была теперь безобидная еще секунды назад баржа. «Ч-пых-х», — обозначил Сашка попадание, после чего эсминец должен был загореться, исчезнуть и уступить место другому кораблю, который нужно было потопить не менее срочно. Однако баржа словно приклеилась к линии горизонта, и Сашка потерял к ней интерес.

Он шел вдоль берега, иногда давая еще не проснувшемуся морю дотянуться до своих ног прохладным подобием волны. Так отдыхающая кошка потягивается и трогает ногу хозяина мягкой лапкой, сразу же отдергивая ее и жмурия изумрудного оттенка глаза.

Пару раз Сашка нагибался и клал в карман шорт ракушки. Шорты бабушка сделала из старых брюк от школьной формы, отрезав штанины по колено. Ракушки

Егор Фетисов родился в 1977 году в Санкт-Петербурге. В 1999 году окончил немецкое отделение филологического факультета Санкт-Петербургского университета. Член Союза писателей Санкт-Петербурга с 2009 года. Печатался в журналах «Арион», «Октябрь», «Нева», «Слово»/«Word», «Новый берег», интернет-журналах «Семь искусств», «45-я параллель», «Литература» и др. Финалист Международного Волошинского конкурса в номинации короткого рассказа (2015). Автор книги стихов «Лишь часть завета из ниоткуда...» (2012), романов «Пас в пустоту» (2014, Издательство Союза писателей СПб.) и «Ковчег» (2015), ряда пьес и рассказов. Переводчик. Редактор журнала «Новый Берег». С 2013 года с семьей живет в Копенгагене.

Саша искал с дыркой насквозь: их можно было носить на шее, продев в отверстие шнурок от ботинка и представляя себя последним индейцем из племени, борющегося за независимость и свободу.

Плоские камни Саша оценивающе вертел в пальцах, приноравливаясь к броску, и потом, умело выгнув натренированную этим нехитрым занятием кисть, запустил «блинчик», считая, сколько раз тот отскочит от гладкой и упругой поверхности воды, прежде чем она сообразит наконец проглотить свою добычу. Ранним утром, когда волн совсем не было, можно было установить рекорд недели, а то и всего лета. Отчасти это и привело Сашку на берег так рано. Купаться он не любил, плавал плохо, только с маской и трубкой, а без маски, сколько ни пытался, не мог даже открыть под водой глаза, что вызывало насмешки сверстников. Сейчас, правда, насмехаться было некому: все разъехались по своим городам в преддверии учебного года.

Послезавтра должна была прилететь Сашкина мама и забрать его в город. В этом году она задерживалась. По телефону объяснила, что ее никак не отпускают с работы, потому что другая женщина, ее коллега, тоже отдыхает где-то на море, может быть, даже на том же самом, что и Сашка, а кто-то непременно должен работать. Но теперь уже эта женщина возвращалась, и мама купила билет на самолет. А все остальные разъехались...

— Что, все твои друзья-приятели разъехались? — вдруг озвучил чей-то голос Сашкины мысли, и он, рыскавший взглядом в песке в поисках ракушек и камней подходящей формы, увидел перед собой огромные черные резиновые ласты и лишь потом — хозяина ласт, высокого загорелого мужчину с маской, поднятой на лоб, но оставившей след на его лице, очертив приветливый взгляд отчетливым прямоугольником. В руке мужчина держал огромного краба, который все еще бежал по воздуху всеми своими конечностями, как собака во сне, и угрожающе растопыривал две гигантские клешни, пытаясь ухватить руку, уверенно державшую его с боков за панцирь.

Сашке часто приходилось видеть крабов: обычно попадались совсем крохотные, светло-серого оттенка, прозрачные настолько, что были похожи скорее на былинку, которую ветер гонит по песку. Они мгновенно исчезали в миниатюрных, вырытых в песке норках. Видел Сашка и особой покрупнее, в коричневатом или зеленоватом панцире, но они, достигшие размеров от силы его детской ладошки, ни в какое сравнение не шли с красавцем в руках незнакомого мужчины.

— Ну что ж, пора тебе обратно, — весело сказал незнакомец. — Охота пуще неволи. У меня самолет вечером, зря я тебя вообще вытащил.

Непонятно было, для кого он все это говорит: для краба или для Сашки, который не спускал с него несчастных и зачарованных глаз. Мужчина хотел уже было бросить краба в воду, но перехватил этот взгляд.

— Возьмешь?

Сашка только недоуменно на него взглянул.

— А то отпущу обратно. Бери, сваришь. Они, вареные, красными становятся, — зачем-то добавил мужчина, одной рукой снимая ласты, а другой балансируя в воздухе своей доисторической добычей.

— Он кусается? — осторожно спросил Сашка.

— Это смотря как ты с ним справишься. Клешни есть. Но если держать вот тут, смотри, слева и справа за панцирь, то он тебя не достанет, — успокоил Сашу мужчина. Потом, видя его нерешительность, добавил: — Да мы его в полиэтиленовый пакет положим.

Он прошел к своим вещам, аккуратно сложенным неподалеку на песке, и, освободив пакет от какой-то одежды, вернулся с ним к воде.

— Хорошо с утра, когда песок прохладный, — сказал он, заходя по колено в воду. — Еще пару часов, и начнет пятки жечь. Просто средневековая пытка, а не пляж.

Он набрал в пакет воды, не без труда засунул туда растопырившегося краба, потом нашел под ногами палочку и проткнул пакет выше уровня воды в нескольких местах.

— Это чтобы он у тебя не задохнулся, — пояснил мужчина. — Ты далеко живешь?

Саша отрицательно помотал головой. Свалившийся на его голову подарок лишил его дара речи. Дрожащими руками он принял пакет, едва не выронив его на песок, пробормотал «спасибо» и со всех ног бросился домой.

По дороге Сашка несколько раз останавливался, приподнимал ношу и смотрел, как краб то делает судорожные попытки освободиться, то замирает в неподвижности, оставив на своего мучителя два выпуклых глазика.

— Сиди тихо, — советовал ему Сашка и бежал дальше.

Бабушка, к которой родители отправляли его каждое лето, жила совсем рядом с морем, надо было только подняться от пирса по неровно залитой асфальтом дорожке, и сразу же начиналась их улица, так что с балкона море было как на ладони. Через несколько минут запыхавшийся Сашка достал из-под коврика ключ и открыл дверь квартиры. Не снимая сандалий, он бросился на кухню и стал извлекать из стола бабушкины кастрюли в поисках самой большой — пятилитровой, в которую краб, по Сашкиным представлениям, должен был поместиться. Сашка налил полкастрюли воды и, аккуратно перевернув пакет, вылил в кастрюлю краба. Тот был с кастрюлей практически одного диаметра и настороженно смотрел на Сашку из-под воды.

Саша включил газ на максимум, и они с крабом стали наблюдать друг за другом. Краб сидел абсолютно неподвижно, и Сашку убаюкало его поведение. Вода быстро нагревалась, и внезапно, скрежетнув ножками по металлу кастрюли, узник метнулся на свободу, легко преодолев невысокий для его размеров и прыти край. Он шлепнулся на пол и, прежде чем отпрыгнувший в испуге Саша успел что-то сделать, забился под плиту.

Саша лег на пол и заглянул в щель: краб забился в дальний угол, к самой стене, и не собирался покидать свое убежище по доброй воле.

Пару минут Саша безуспешно пытался выгнать его ручкой от швабры, но тот лишь перебежал с места на место. Сашей овладело незнакомое ему ранее чувство — охотничья горячка, желание во что бы то ни стало добраться до своей жертвы.

Вскипятив воду, он вылил ее за плиту. Ошпаренный краб выбежал в центр кухни, и Саша со всей силы, с хрустом ломающегося панциря, ударил его приготовленной шваброй.

— Вот тебе! — заорал он, и в этом крике были и торжество, и все еще не прошедший испуг.

— Вот тебе, вот!

Саша ударил еще несколько раз. Он бил, пока то, что было крабом, не перестало корчиться и шевелиться на кухонном полу.

— Думал смыться... — с непонятно откуда взявшимся остервенением сказал мальчик.

Варить уже было нечего. Ошметки ножек, панциря и клешней валялись по всей кухне. Саша подмел краба и выбросил его в ведро. Потом вытер сухой тряпкой пол, залитый водой. Мусор на всякий случай вынес, чувствуя, что бабушка не одобрит его поступок. Убрал на место пятилитровую кастрюлю.

Пришедшей бабушке Саша соврал, что перед отъездом хотел сделать ей приятное и прибрался на кухне. Нина Филипповна чуть не прослезилась, и в награду они пошли на почту звонить маме.

«Ленинград, вторая кабина, пожалуйста, проходите», — пригласила телефонистка, и Саша услышал далекий мамин голос.

Выслушав привычные мамины вопросы о том, как он ест и слушается ли бабушку, Саша тихо, чтобы не было слышно за пределами кабинки, сказал:

— Мама, я убил краба...

Но мама была слишком далеко, чтобы это услышать. Она была за тысячи километров от почты, с которой он ей звонил.

— Что ты говоришь, малыш, чему рада? — сквозь треск спросила мама. — Я послезавтра уже буду у вас. Что тебе привезти?

Она была в хорошем настроении и говорила что-то еще, но Саша уже положил трубку, сел на табуретку, стоящую в кабинке, и только теперь заплакал.

АВТОБУСЫ ЗА МНОЙ ОХОТЯТСЯ

— Привет! Я так рада тебя видеть, ты себе не представляешь.

— Почему? Представляю... Привет.

Ситуация смущает их обеих — Вику, невысокую, темноволосую девушку, по лицу которой видно, что ей еще нет тридцати, но скоро исполнится. Может быть, совсем скоро, даже на днях.

— Столько лет прошло с тех пор, как мы тогда с твоим братом...

Оксана обрывает фразу на полуслове, и за темными стеклами очков нельзя разглядеть, растрогана она или просто не хочет говорить о несостоявшейся помолвке. Странно от нее слышать «твой брат», а не Игорь. Хотя что странно — почти десять лет прошло.

— Что за дядька на лошади? — спрашивает Вика, поднимая глаза к памятнику, под которым они встретились.

— Епископ местный, основал город, не спрашивай меня, как его зовут, ничего не знаю, не помню, не хочу помнить. Голова ничего не держит.

Она нервно теребит выдавшую лучшие времена сумочку. Лицо у нее узкое и опустевшее, как у женщин на картинах Мунка.

— Столько лет здесь живу и не могу запомнить всех этих имен, названий... Первые несколько лет и язык этот для меня был... как воркование сумасшедшего голубя. Ни слова не могла разобрать, да мне казалось, что он и не состоит из слов, а просто из звуков, нерасчленимых дальше на эмоции. Знаешь, что такое одиночество? — внезапно спрашивает она и смотрит Вике в глаза, так что та видит двоих себя в солнцезащитных стеклах. — Это звуки чужой речи, нерасчленимые на эмоции. Все равно что ты сидишь у ручья, он говорит о чем-то своем, с тобой ли, с собой, а ты слышишь только мельтешение воды.

— У тебя все в порядке? — спрашивает Вика, трогая подругу за рукав.

— Да, все замечательно, — и сама же отзывается эхом: — Замечательно.

Они бродят по Кристиансхавну — этому амстердамскому вкраплению каналов, словно перенесенных из Голландии на пробу, в небольшом количестве — в ожидании, а придется ли ко двору. Парочки сидят прямо на парапете, курят и кормят чаек хлебными крошками.

— Не понимаю девушек, которые вот так сидят, прямо на... — она осекается, видимо, не найдя подходящего слова: полтора десятка лет за границей дают о себе знать.

— Да, можно застудиться, — кивает Вика.

— Конечно, никто же не проводит этих... изучений, как это отражается на здоровье.

— Исследований, — машинально поправляет Вика.

— Исследований, — послушно откликается Оксана. — Тут вообще большая нация.

— А мне показалось, что все бегают, крутят педали, смотри вон — девчонки подтянутые, старушки не отстают.

— Их плохо в садике кормят, — продолжает Оксана о своем, — совсем нет горячей еды. Какое уж тут здоровье, и Саша мой из садика приходит, представляешь, говорит, его убеждали, что иметь русскую маму — ненормально.

— Я думала, он уже школу заканчивает.

— Теперь уже да.

Время для Оксаны, похоже, остановилось, она живет лоскутным настоящим, сожженным на скорую руку из прошлого, местного и московского.

— Почему ты не вернешься, если тебе здесь плохо? — спрашивает Вика, когда они берут помойного вкуса кофе и садятся за столик, едва прогретый неуверенными лучами северного солнца.

— Почему плохо? — возражает Оксана, и голос выдает обиду, но это может быть обида на что угодно, даже на чаек, не обращающих на нее никакого внимания. — Здесь спокойно. А в России... Не хочу возвращаться в страну, где нет настоящей свободы. Здесь я чувствую себя защищенной личностью, никто не диктует, что делать, говорить, думать, наконец.

— Ты думаешь, человек с двумя высшими образованиями может быть свободным в рыбной лавке?

— К чему ты об этом? — в тоне Оксаны слышится неприкрытое раздражение. — Я давно там не работаю.

— Приятно слышать. Ты нашла место?

— Мне нужно время... Причесать мысли. Какое-то время... Чтобы понять, что я, кто, куда двигаться. Одиночество губительно на мне сказывается. Знаешь, одиночество в конечном счете гораздо вреднее курения. Я даже начала принимать таблетки. Нет, не подумай, ничего серьезного, — она перехватывает взгляд Вики, в котором читается беспокойство. — «Атаракс», — говорит она и достает из сумочки таблетки, чтобы продемонстрировать подруге.

Она ничего не говорит про панические атаки, которые участились в последнее время. И ни слова про автобусы. Они рано или поздно настигнут ее. Страшная смерть под колесами железной коробки. Это не дает уснуть. Она топит эту мысль в дешевом вине, но та всплывает, как хорошо надутый круг для плавания. «Автобусы за мной охотятся», — губы шевелятся чуть слышно.

— Прости? — переспрашивает Вика.

— Нет, я так... Мне пришлось обратиться к врачу, чисто формально, естественно, чтобы он подписал мне депрессию. Тогда целый год они меня не тронут, оставят меня в покое.

— Кто «они»? — удивленно спрашивает Вика.

— Службы. Они не хотят платить мне пособие, думают заставить меня переодеть памперсы их чокнутым старикам. Все до одного нацисты, эти старики, кривят и без того кривые рты, когда я говорю с ними. Им, видите ли, акцент мой не нравится. Если кто-то заговорит по-французски, то это, конечно, шармант, а от русской речи они морщатся, как если бы рядом с ними кто-то испортил воздух. Наплела, знаешь, этому врачу, навывдумывала симптомов, чуть сама не поверила. Ладно, я все о себе, ты-то как? Сто лет, сто лет... У тебя все нормально? Что делаешь?

— Рисую.

— Типа художницей стала настоящей? — в голосе Оксаны смешанные недоверие, удивление и зависть. — И что, покупают?

— Не в этом дело, — улыбается Вика.

— Ну да, ну да... — уже с явным облегчением. — Понятно. Ну знаешь, вдохновение важнее. Для художника же не деньги главное, он, как бабочка, собирает нектар жизни. И где-то можно посмотреть на твои... картины? — Она долю секунды выбирает между «картины» и «рисунки». Выбирает все-таки картины, хотя уверена, что — рисунки.

Вика достает из сумки планшет, пальцы пробегают по экрану, как рябь по воде. От «нектара жизни» остается липкое ощущение, как от подтаявшей карамельки, забытой в кармане.

— Вот.

Оксана берет протянутый гаджет.

— Мило: лодочки, вода. Создает настроение.

— Это картина про развод.

Теперь, ко всему прочему, еще и недоумение. Брови появляются над очками, выдавая наличие лица.

— Это портрет двух людей. Люди ведь — лодки. И трещина между ними по воде, видишь?

Она забирает планшет, возвращает его в сумку. Лицо Оксаны еще больше вытягивается, создавая свой собственный, постмунковский стиль. Поднимается ветер, и чайка с трудом удерживает равновесие на парашюте.

— Надо идти, — говорит Вика. — Я всего на пару дней, еще много дел. Я тут... привезла тебе наш шоколад, помнится, ты любила горький.

— Супер! Спасибо, спасибо!

Теперь еще и преувеличение. Чайка срывается с парашюта и делает вид, что ей пора лететь. Дескать, так и хотела.

Они расстаются у метро.

Вике — через мост, в центр, Оксана спускается под землю. Удобнее было бы ехать наземным транспортом, но это невозможно. «Они за мной охотятся, — бормочет она, — автобусы за мной охотятся». Она свободный человек. Никто не заставит ее вернуться в рыбную лавку.